

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL METHODS
OF DEVELOPMENT AND ASSESSMENT OF REFLEXIVE COMPETENCE
OF STUDENTS OF ENGINEERING UNIVERSITIES**

E.V. Borisova
Tver State Technical University, Tver

Abstract. The article is devoted to the study of problems and prospects for the development of reflective competence and creativity among students. Innovative pedagogical methods are considered, aimed at developing students' skills of reflection, critical thinking, and a creative approach to problem-solving. Special attention is paid to the adaptation of game, virtual pedagogical practices to the realities of modern engineering education. The article provides specific examples and recommendations for introducing new methods into courses on fundamental engineering disciplines, general economics, personnel management, and specialized subjects for engineering training. The author presents a tool for students to self-assess their level of reflection, and identifies psychological mechanisms that enhance the effectiveness of learning. The research findings aim to improve the quality of engineering training and meet modern educational standards.

Keywords: reflection, introspection, self-development, generative intelligence, and innovative techniques.

Об авторе:

БОРИСОВА Елена Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры высшей математики, Тверской государственный технический университет; г. Тверь, Россия; e-mail: elenborisov@mail.ru

About the author:

BORISOVA Elena Vladimirovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Higher Mathematics, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: elenborisov@mail.ru

УДК: 165.642:82-192

ПСИХОЛОГИЗМ ИСПОВЕДАЛЬНОЙ ЛИРИКИ В.С. ВЫСОЦКОГО

О.А. Егорова
Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Егорова О.А., 2025
DOI: 10.46573/2409-1391-2025-4-52-58

Аннотация. В статье на основе лексико-семантического и статистического анализа рассмотрена проблематика образности исповедальной поэзии Владимира Высоцкого в аспекте ее психологического воздействия на читателя, также выявлены ключевые тропы, способствующие созданию исповедального тона. При этом результаты статистического анализа образных средств некоторых

произведений поэта с исповедальной тональностью продемонстрировали превалирование метафор, риторических повторов и гиперболы как приемов усиления эффекта доверительности и эмоциональной напряженности в данном пласте стихов.

Ключевые слова: лирическая исповедь, гиперболическая метафора, повтор, рефлексия, сопреживание, аллюзия.

Произведения художественной литературы воздействуют на читательскую аудиторию не только эстетически, но и психологически, через образное описание внутреннего мира персонажей. При этом некоторые писатели могут отождествляться с практикующими психологами, поскольку, используя в своих текстах особые методы воздействия на человеческую психику, такие как откровенные признания, внутренние монологи, ассоциативность, поток сознания, они пробуждают в читателе сопреживание героям и помогают узнавать в них себя. Таким образом, погружение в мистический мир художественной прозы и поэзии открывает путь к самопознанию и рефлексии о сложных психологических состояниях современного социума, таких как тревога, депрессия, посттравматический синдром.

В контексте динамики развития психологизма в художественной литературе отметим, что она тесно связана с эволюцией представлений о человеческой психике и способах ее художественного воплощения. Современные литературоведы, в частности М.М. Бахтин [1], Т.А. Барышева [2], Л.С. Выготский, А.Б. Есин, В.Е. Хализев [8], неоднозначно трактуют влияние художественного текста на индивидуальное человеческое сознание. А.Б. Есин [5] и Л.С. Выготский [3] в своих работах указывают на глубокую взаимосвязь психологии и художественного творчества, однако рассматривают эту зависимость с разных методологических позиций. Есин анализирует психологизм как систему приемов, позволяющих глубоко раскрывать внутренний мир персонажа. Он углубленно изучает мотивацию персонажей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, которые не просто действуют, но рефлексируют, сомневаются, переживают моральные конфликты. Среди методов психологического воздействия Есин выделяет внутренние диалоги героев Л.Н. Толстого, идентифицируя их как «...способ показать текучесть сознания, где мысль и чувство еще не отделены друг от друга» [5, с. 89]. Данные тезисы подтверждают ключевые идеи Есина о том, что психологизм выходит за рамки обычного художественного метода, превращаясь в важнейший инструмент познания человеческой природы в литературе.

Л.С. Выготский в «Психологии искусства» [3] рассматривает не изображение психологии персонажей, а воздействие искусства на чувства читателя. Рассуждая о роли искусства в преодолении обыденного сознания и психологическом механизме эстетического катарсиса, он подчеркивает, что «искусство есть... своеобразная разрядка нервной энергии, но не простая, а осложненная всей сложностью нашего социального бытия» [3, с. 316]. Также Выготский обращает внимание на значимость психологического воздействия поэтического слова, содержащего помимо прямого значения «...целый комплекс ассоциаций, эмоциональных и образных, которые делают его носителем сложного психологического содержания» [3, с. 267]. Согласно точке зрения Выготского, искусство, включая поэзию, презентирует мощный психологический инструмент, формирующий мировосприятие, эмоции и даже социальное поведение человека, ибо художественная форма создает внутренний конфликт, например противоречие между фабулой и сюжетом, который приводит к катарсису или очищению через эстетическое сопреживание. Как следствие, оба

подхода доказывают, что литература – это не просто отражение души, но способ ее познания и трансформации.

При этом и Есин, и Выготский подчеркивают, что литература исследует человека глубже, чем научная психология. Примечательно, что В.Е. Хализев в своем учебнике [9], сочетающем как традиционный, так и современный подходы, добавляет, что читатель выходит за пределы пассивного потребления литературы, становясь соавтором, который наполняет текст дополнительными смыслами. Опираясь на диалогическую природу восприятия, он уточняет, что «художественный текст взывает к ответной реакции читателя, вовлекая его в диалог, который может изменить его мироощущение и самосознание» [9, с. 203]. Таким образом, согласно точке зрения Хализева, литература – это динамическая система, где важен и авторский замысел, и читательская интерпретация. Добавим, что в литературе XX века успешно прогрессирует психологический прием «потока сознания», рассматриваемый как вариация внутреннего монолога персонажей, доведенная до предела слиянием мыслей, ощущений, абстракций памяти. Этот прием нашел отражение в повествовании М. Пруста, Д. Джойса, В. Вульфа. В произведениях этих авторов складывается концепт безграничного сознания или психологизм субъективного типа, результатом которого выступает ассоциативность «потока сознания», «стилистически адекватная предмету изображения» [10, с. 36].

В поэзии прием психологизма глубоко раскрывает внутренний мир лирического героя, т.е. его эмоции, переживания и душевные состояния при помощи различных средств выразительности. Определенные виды психологического воздействия, такие как внутренний монолог или исповедальная передача мыслей и чувств героя, поток сознания с хаотичным воспроизведением мыслей, ретроспективность, символика и подтекст подталкивают читателя к сопереживанию и постепенному погружению в нравственный мир поэтических персонажей. В данном контексте примечательно наследие Владимира Высоцкого, обладавшего уникальной способностью передавать сильные эмоции через голос, интонацию и разноплановые тексты. Его хриплый, надрывный тембр создавал эффект сопричастности, мотивирующей слушателя сопереживать героям своих песен. Более того, будучи актером, Высоцкий умело перевоплощался в образы различных персонажей, в частности уголовника, альпиниста, солдата, спортсмена, раскрывая эти образы поэтическими монологами с двойным смыслом, что делало его песни мини-спектаклями. Его заразительная манера исполнения с резкими ускорениями и внезапными остановками заставляла слушателей напряженно ждать продолжения, а обращение к универсальным темам борьбы, свободы, страха, смерти, любви находило отклик у самой широкой аудитории.

Целью данной статьи является анализ средств образности, способствующих раскрытию исповедального тона, в выборке из 17 стихотворений Владимира Высоцкого, а также выявление превалирующих тропов исповедального психологизма в поэтическом наследии поэта. Отметим, что Высоцкий мастерски использовал психологические приемы, такие как внутренние монологи с исповедальной тональностью, символику и ассоциативность, а также прием «потока сознания» во многих военных, морских и автобиографических стихах. Достоверность персонажей Высоцкого рождалась благодаря не только вниманию поэта к деталям быта и речи, дополненных его уникальным даром актерского перевоплощения, но и способности к глубокой эмоциональной идентификации с героем, когда чужая судьба проживается как своя, а внутренний мир другого человека становится частью собственного «я», ибо персонажи Высоцкого часто находились в пограничных состояниях между жизнью и смертью, свободой и тюрьмой, что усиливало драматизм повествования.

Для примера обратимся к стихотворению «Я не люблю» 1968 года, написанному для киноленты «Опасные гастроли» и впоследствии многократно исполняемому в спектакле «Свой остров» театра «Современник». Оно представляет открытый манифест личных принципов и нравственных установок поэта, раскрываемых посредством внутреннего монолога с самим собой. В данном произведении, переведенном более чем на 50 иностранных языков, лирика поэта сочетает глубину чувств с ясностью мыслей исповедальной тональности, откровенность которых характерна для дневниковых записей. Рассмотрим начальные строки [4, с. 143]:

*Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.
Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще –
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.*

Психологизм этого стихотворения проявляется в откровенном раскрытии личных убеждений поэта посредством анафоры, или одиннадцатикратного повтора фразы «я не люблю», создающей эффект исповедального монолога с перечислением личных принципов и антипатий. Первая строка представляет антитезу, или противопоставление смерти, метафорически представленной как «*фатальный исход*», и жажды жизни, обозначенной гиперболой об отсутствии жизненной усталости у поэта. Тогда как оксюморон третьей строки в виде словосочетания «*холодный цинизм*», состоящего из противоречивых понятий, где прилагательное «*холодный*» имеет коннотацию «*безэмоциональный*», а «*цинизм*» означает «*язвительное отношение*» [6], передает внутренний конфликт, отвращение к фальши и равнодушию. Более того, данное стихотворение может быть причислено к интимной лирике, ибо поэт обращается к читателю как доверенному лицу, открывая ему сокровенные мысли и анализируя свое отношение к различным ситуациям и поступкам людей. При этом метонимия заключительной строки о чтении письма чужим символизирует неприкосновенность личного индивидуального пространства, подчеркивая психологическую уязвимость человеческих чувств. Помимо повторов, для усиления исповедальности поэт обращается к метафорам про «*червей сомненья, почестей иглу*», передающим глубину внутренних переживаний и подчеркивающим разрушительное действие как сомнений, так и славы для человека. Также примечательна метафора о «*сломанных крыльях*» как образе угнетенной свободы в третьей строфе стиха. В заключительной строке этой строфы Высоцкий подчеркивает, что не любит «*насилья и бессилья, вот только жаль распятого Христа*». Данная антитеза сопоставляет крайности, подчеркивая неприятие любых форм угнетения поэтом, тогда как аллюзия на образ Христа наращивает исповедальность, соизмеряя страдания невинных с библейским мотивом. Среди тропов усиления психологизма обратим внимание на эллипсис конструкций «*когда наполовину*», «*или когда прервали разговор*» во второй строфе, создающих ощущение незавершенности, хаотичного прерывания мыслей, свойственного психологическому приему «*потока сознания*». В заключительном четверостишии поэт подчеркивает, что не любит арены, где «*миллион меняют по рублю*». Данная гиперболическая метафора подчеркивает эмоциональный накал и протест, так же как и вкрашение разговорной экспрессии в виде просторечий «*плюют*» [7], «*лезут в душу*», «*железом по стеклу*».

Таким образом, проблематика исповедальности данного произведения отражена в объеме 60 % посредством таких тропов, как повторы, гиперболы и метафоры, представляющих внутренний конфликт поэта с окружающим миром, где автор через отрицание «не люблю» по подобию психологического самоотчета утверждает свои ценности, вовлекая читателя в эстетический катарсис. Среди автобиографических стихов с исповедальными мотивами значимо культовое стихотворение «Кони привередливые» 1972 года. В данном произведении желание «допеть» свою песню ассоциируется с напором скачущих коней, олицетворяющих быстротечность жизни. Заслуживает внимания и стихотворение «Райские яблоки» 1977 года с библейскими аллюзиями на райские сады и апостола Петра, где проблематика исповедальной тональности обозначена выражением человеческих сомнений перед загробным миром. В данном стихотворении Высоцкий не просто рассказывает историю, но проживает ее, смешивая страх смерти, бунт против несправедливости и горькую самоиронию.

Отметим, что Владимир Высоцкий написал множество пронзительных и исповедальных стихов о войне, в которых отразил не только пыл сражений, но и внутренний мир человека на грани жизни и смерти. Среди наиболее известных произведений упомянем стихотворение «Он не вернулся из боя» 1969 года о потере друга, где война показана через призму личной трагедии. Обратимся к начальным строкам данного произведения [4, с. 121]:

*Почему все не так? Вроде все как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только он не вернулся из боя...*

Данное стихотворение состоит из 7 строф разностопного анапеста с перекрестной рифмовкой, и на его создание повлияла встреча поэта с К. Симоновым, а также то, что поэт вырос в окружении фронтовиков. Стихотворение начинается с риторического вопроса, который создает эффект внутреннего монолога, обращения к себе. В центре повествования – солдат, который не может примириться с гибелью друга. Повторы местоимения «*все*» в первой строке, а также указательного местоимения «*тот*» в третьей строке акцентируют контраст между внешним миром и психологическим состоянием героя, ибо природа осталась прежней, однако в душе солдата возникло ощущение недоумения и боли из-за потери боевого напарника. Антитеза «*все как всегда*» и «*он не вернулся из боя*» становится критически важной для данного четверостишия, акцентируя парадокс несовместимости привычного мира и трагедии. Элементы параллелизма и аллитерации согласных «*т*» и «*ж*» при описании природы во второй и третьей строках «*то же небо... Тот же лес...*» подчеркивают незыблемость мира, что делает утрату гораздо болезненнее. В дальнейшем нарративе особую роль играет повтор метафоры «*для меня – будто ветром задуло костер*» в четвертой строфе, делающей акцент на неожиданном угасании жизни, тогда как кульминация лиризма сосредоточена в шестой строфе, транслирующей исповедальную глубину наивысшей степени. Здесь возникают яркие метафоры: «*наши павшие – как часовые*», превращающие павших воинов в вечных стражей живых, и «*деревья стоят голубые*», где голубизна становится знаком непреходящей памяти и единения с небесной высью. Финальные строки этой строфы содержат метафору уподобления или метонимии «*отражается небо в лесу, как в воде*», где лес через ключевой признак «глубины», характерный для водной глади, становится зеркалом отражения не только пространства, но и самой вечности. Тем самым поэт отождествляет лес и воду не по внешнему сходству, а по смежности ощущений – по чувству глубины и объемности. Кольцевой повтор последних двух строк создает ощущение вечного присутствия

павших. Данное произведение раскрывает образ войны с неожиданного ракурса, через внутренний монолог героя и его скучные комментарии, подкрепленные универсальными образами неба, леса, воды, что делает исповедь одновременно индивидуальной и общей для всех, кто пережил потерю. Таким образом, общую психологическую исповедальность данного стихотворения, подчеркиваемую преобладанием метафор и риторических повторов, можно оценить в 60–70 %, ибо текст построен на личном переживании, однако сохраняет обобщенность для всех, переживших утраты.

Среди морских произведений В.С. Высоцкого исповедальной тональностью отмечено стихотворение «Спасите наши души!» 1967 года, передающее читателю отчаяние моряков подводной лодки в кризисной ситуации. Рассмотрим начальные строки пятикратно повторяемого рефрена песни [4, с. 112]:

*Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спешите к нам!
Наши SOS все глушше, глушше,
И ужас режет души
напополам!*

Данный отрывок имеет яркую исповедальную тональность, проявляемую в риторических восклицаниях с мольбой поспешить на помощь, обращенных к внешнему миру, тогда как гиперболические метафоры «мы бредим от удушья» второй строки рефрена и «наши SOS все глушше, глушше» шестой строки подчеркивают высокую степень физического страдания и безысходность ситуации. Также примечательна метафора ужаса с элементом преувеличения в заключительной строке, представляющая ужас как нечто острое, что буквально «режет» души. Динамика трагизма усиlena поэтом с помощью таких гиперболических метафор, как «по году плевать на погоду», «рвутся аорты», при этом метафоры олицетворения в образе «рогатой смерти» и локаторов, что «взвоют о беде», символически передают не только физическую, но и психологическую агонию. В контексте психологизма примечательна седьмая строфа, актуализирующая внутренний конфликт героев, которые, с одной стороны, обязаны выполнять приказы, а с другой – испытывают непреодолимое желание спастись. Данный конфликт усиливается антitezами, в частности «погибнуть в отсвете – уж лучше при свете!», с противопоставлением двух вариантов смерти, что подчеркивает стремление героев к достойному концу, тогда как антитеза «конец всем печалим, концам и началам» передает завершение всех жизненных циклов и одновременно трагизм ситуации. Этот конфликт усиливает психологическую напряженность, показывая, как человек балансирует между долгом и инстинктом самосохранения. Исповедальность стиха актуализируется частотным вкраплением местоимения «мы» как символа коллективной исповеди и общей трагедии, а также доминированием метафор в приблизительном количестве 40 % и гипербол в объеме 30 % от общего количества тропов.

В завершение отметим, что исповедальная тональность позволила Владимиру Высоцкому глубоко исследовать конфликты, страхи, экзистенциальные переживания своих героев, а последующий статистический анализ вышеупомянутых произведений поэта подтвердил частотность в объеме от 60 до 70 % метафор, гипербол и риторических повторов в качестве элементов поэтической исповеди. Обращение к подобной лирике В.С. Высоцкого способствует анализу механизмов психологической защиты в ответ на кризисные состояния, что полезно как для психологов, так и педагогов. Исповедальная лирика может применяться в качестве инструмента

психоанализа для раскрытия подсознательных мотивов человеческих поступков и воспитания эмпатии в среде подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
2. Барышева Т.А. Психология творчества: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 300 с.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1998. 573 с.
4. Высоцкий В.С. Собрание сочинений в 4 книгах. М.: Надежда-1, 1997. Книга 2. С. 112–113, С. 121; Книга 4. С. 143.
5. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
6. Ефремова Т.Ф. Самый полный толковый словарь русского языка в 3 томах. М.: АСТ, 2015. 3312 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
8. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.
9. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник для вузов. М.: Академия, 2009. 432 с.
10. Гениева Е.Ю. Дублинцы. Портрет художника в юности. Д. Джойс. М.: Прогресс, 1982. С. 36.

PSYCHOLOGISM OF CONFESSIONAL LYRICS BY V.S. VYSOTSKY

O.A. Egorova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. Based on lexical-semantic and statistical analysis, this article examines the imagery of Vladimir Vysotsky's confessional poetry in terms of its psychological impact on the reader and identifies key tropes that contribute to the creation of a confessional tone. At the same time, the results of statistical analysis of the imagery used in the poet's confessional works demonstrated the prevalence of metaphors, rhetorical repetitions and hyperbole as techniques to enhance the effect of trustworthiness and emotional tension in this layer of poetry.

Keywords: lyrical confession, hyperbolic metaphor, repetition, reflection, empathy, allusion.

Об авторе:

ЕГОРОВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: mipe456@hotmail.com

About the author:

EGOROVA Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of Subdepartment of Second Languages of Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: mipe456@hotmail.com